

Китайский город с русской душой

Нина Куренная

Подкралась осень. Еще вчера все дышало зноем, а сегодня с утра легкую занавесь в открытой балконной двери развеивает уже по-осеннему прохладный ветерок.

Сегодня мой последний день в этом городе. Много лет я приезжала сюда в командировку. Иногда на короткое время, а бывало и надолго, как в этот раз. Но больше таких командировок не будет. Так сложились обстоятельства.

Ночь прошла тревожно. Несколько раз просыпалась с беспокойными мыслями о предстоящем дне.

Утро, повторяющееся изо дня в день: душ, завтрак, сборы, просмотр записей - плана на день. Хотя последнее уже не нужно – выкладываю записную книжку на стол.

В это раннее осеннее утро немного прохладно. Синее небо подернуто рябью белых, кое-где подсиненных, облаков. Взгляд задерживаю на беседке. Она в традиционном стиле: создающая ощущение легкости, выгнутая «взлетающая крыша» с приподнятыми углами покоится на столбах. Внутри под крышей - изящные доски. К ним прикреплены планки с разным орнаментом и силуэтами драконов. Орнамент и драконы сияют краской «под позолоту» и инкрустированы перламутром. Беседка покрыта ярко-красным лаком. Нарядная, она не выглядит вычурно среди небоскребов. На фоне яркой синевы и зелени, уже подернутой осенью, беседка сияет своей красотой. Как так можно было «вписать» это великолепие среди гигантов-зданий и не потерять ощущения простора, для меня загадка. Впечатление будто это «каприз» архитектора, который он выразил в самый последний момент. Но этот последний штрих не только поражает, но и создает умиротворение.

После долгого рабочего дня я любила посидеть в этой беседке прежде, чем зайду в двери моей гостиницы. Мне нравилось смотреть на огни города, слушать легкое пошепывание листьев клена, мысленно разговаривать с тобой. Я всегда ждала встречи с тобой. В любое время, когда возвращалась после разлуки, долгой или не очень, ты всегда встречал меня

прямо у трапа самолета. Я попадала в твои объятия, вдыхала запах моря и далеких путешествий, слушала твой шепот. Но я только улыбалась и наслаждалась радостью новой встречи.

Полюбовавшись в который раз на беседку, иду по дорожке, старательно подметенной дворником. И вдруг прямо на меня спланировала веточка клена. Успеваю ее поймать. Два расцвеченных листочка удержались на ней. Странно, весь клен, еще зеленый, а эти уже отмечены легким красно-желтым узором. От веточки идет терпкий запах. И вдруг ушла щемящая тоска. Сегодня прощальное свидание с моим любимым городом. Далекий китайский город с русскою душой. Когда-то он так и назывался – Дальний.

Дальний ... Далян ... Люблю тебя в любую погоду, в любое время года. И сейчас, мой город, мы начнем с тобой прогулку вот с этого парка. Хоть и начало осени, но она уже чувствуется. Легким взмахом кисти осень коснулась деревьев. Так, всего одним мазком. А листья сразу же откликнулись и кое-где чуть отделились легким багрянцем. Трава на газонах уже не так вызывающе зелена, а в цветниках хоть и буйство красок, но красота какая-то не летняя, а кричащая, вызывающая. Цветы будто просят: Полюбуйтесь нами.

Воздух, как из бабушкиного флакона с духами - тягучий, настоящий на травах и разноцветье.

Осенние запахи усиливает едва уловимый чуть влажный ветерок. По подстриженным газонам снуют туда-сюда вставшие на крыло летки – им еще не ведомы холод и непогода и потому их беззаботное и звонкое «цвик-цвик» разносится по всему парку, а взрослые птицы степенно вышагивают и что-то сосредоточенно высматривают в траве. Среди этого великолепия деревьев, пения пичужек, ярких порхающих бабочек в замысловатом танце, чувствую себя уютно.

Люблю этот парк не только за его уют. Всегда буду помнить, что он заложен русскими в тот далекий 1898 году, открывшими этот приморский жемчужный уголок на северо-востоке Китая. Так сложилась история, что честь проектировать город досталась петербургским архитекторам. По их проектам город и строился. Русское общество привыкло у себя на родине к воскресным прогулкам в скверах и парках. Вот и здесь разбили парк. Мысленно вижу прогуливающихся барышень в шляпах под руку с военными,

гражданскими, нянь с резвыми малышами, а на скамьях сидят те, кто постарше.

Теперь в этом парке традиционно отдыхают далянцы. Они называют его Парк Труда. Здесь есть чему удивиться и чем полюбоваться: многочисленные пруды, озеро лотосов, небольшой зоопарк со страусами, павлинами, на радость детям и взрослым распускающими свои красочные хвосты. И, конечно же, беседки, беседки – большие и маленькие со своими неповторимыми «взлетающими» крышами. Китайцы вообще к беседкам имеют пристрастие. Согласно китайскому учению «Фэн-шуй», которому китайцы придают огромное значение, особая форма крыши не дает неблагоприятной энергии скапливаться в острых углах кровли. Да и цвет в этой науке несет смысловую нагрузку. Красный – счастье, удача, процветание и жизненная сила. Ну, а черный цвет – цвет стабильности. Беседки никогда не пустуют.

Медленно поднимаюсь вверх по ухоженной дорожке. В каждом городе, хоть дома у себя на родине, хоть за границей, есть место, куда приходят горожане по торжественным дням или просто так. И в Даляне тоже такое место есть. Дорожка меня ведет в том направлении.

И вот стою на одной из самых высоких панорамных площадок в Даляне. Передо мной раскинулся этот удивительный город. Исторически, он сохранил архитектуру трех культур: китайскую, русскую и японскую. Вот прямо передо мной – современная торговая улица, охватывающая две прямо противоположные по своему стилю стороны. С правой ее стороны огромный, современный, весь из стекла, торговый центр. А прямо напротив, но уже по левую сторону – тоже торговый центр. Только расположился он в нескольких зданиях, соединенных между собой галереями-переходами, построенными во времена становления Китайской народной республики. И тот и другой центр китайцам нравится. В одном они любят неспешно прогуливаться, посматривая внутрь бутиков через стеклянные стены – уж цены там больно «кусаются». В крайнем случае, посидят в «Макдональдсе» за порцией картошки и неспешными разговорами с друзьями или в «Старбакс» за чашкой кофе. А в другой центр, собственно, и ходят по назначению – купить еду, одежду и все, что нужно для домашнего обихода.

Вообще, торговые центры в Китае – это особые государства. Однажды, узнав из рекламы и от китайских друзей об очередном юбилее торгового

центра и сопутствующих по этому поводу очередных скидок, поспешила приобщиться к этому празднику. Вот в полной мере в такие моменты можно прочувствовать, что такое огромное население Китая. И в этот свой поход и, позднее уже, глядя со стороны, всегда задавалась вопросом: для чего они посещают эти распродажи? Народ, прижимая к груди сумки и рюкзаки, идет плечом к плечу плотными рядами по торговым площадкам. Не то, что купить, увидеть что-либо невозможно. Просто стена из людских тел. Но горожане почему-то каждый раз на что-то надеются и в такие дни даже с работы уходят пораньше в надежде быть, если не единственными, то хотя бы редкими покупателями. Ничего подобного – весь город собирается в эти дни на распродажах, и всегда со всех сторон можно услышать один и тот же вопрос: «Почему так много народа?» Но бывают счастливицы, которым что-нибудь достается. Вот такие счастливицы – мои российские коллеги – пришли однажды ко мне в гостиницу поздно вечером, чтобы похвастаться своими покупками. Они долго примеряли какие-то джинсы «сумасшедшей» модели, крутились у зеркала с сумочками, нахваливали еще какую-то мелочь. Затем мы пили чай с пирожными, и мои коллеги радовались, что так удачно они заглянули на распродажу. Следующим вечером мы снова пили чай, и я слушала сетования моих приятельниц. Ни к одной из купленных вещей не подходит ничего из имеющегося в гардеробе. Чтобы как-то составить приемлемый ансамбль, нужно опять что-то купить, а там фасон нужно еще поискать, да и сумочка не понять какой формы и цвета. И, уже придя домой, они задались вопросом: а зачем вообще это было нужно покупать?

Перевожу взгляд правее от этой улицы. Вот необычный памятник. Огромный стеклянный шар поддерживают руки из металла разного цвета – символизирует дружбу народов мира независимо от их расы. Вообще, китайцы удивительный народ. Можно встретить много сооружений: от домов до памятников, как вот этот, которые что-то символизируют.

За этим памятником видна площадь Чжуншань. Там расположен культурный центр Даляня. Именно тут проходят ежегодные музыкальные фестивали. Между собой горожане называют эту площадь Музыкальной. Вообще-то это самая старинная площадь Даляня. Она была одной из первых площадей, заложенной русскими поселенцами и построенной в самом начале строительства города. У нее даже первоначальное название было – Николаевская – в честь Николая II. На площадь выходят историческими фасадами несколько зданий, построенных в начале 20 века, так

напоминающие петербургские. За ними высятся современные здания в стиле хай-тек. Но вид площади они совершенно не портят. Как-то вот ужились вместе.

На видовой площадке прибавилось народу. Здесь и китайские, и русские туристы. У всех панорама города вызывает восторженное настроение.

Смотрю левее – видна целая улица, которую и сейчас называют русской. Вот туда я обязательно сегодня пойду.

Люблю гулять по тесным переулкам. То там, то тут вижу старые, европейской постройки, здания. Люблю рассматривать их и пытаюсь «увидеть» их прошлых хозяев. Кажется, что сейчас отодвинется занавеска и выглянет любопытное русское лицо.

Вот дом градоначальника. Он хоть и большой, но какой-то очень уютный. Прохожу мимо дома, где когда-то в те далекие времена располагалась дорожная управа, администрация города. А вот уже пошли дома именитых горожан. И уже не слышу разноголосицы иностранной речи, затихли голоса торговых зазывал. Только дома по обе стороны улицы, так напоминающие Петербург. В прошлом это был Инженерный проспект. Время остановилось для меня. Мысленно представляю, как ходили по этим улицам, работали, строили этот город русские. Вдали от своей родины тосковали по своим родным местам и долго еще не имели возможности вернуться домой. Многие из них смогли вернуться через долгие годы, а некоторым было и это не суждено.

В действительность меня вернул дождь. Вдруг набежала небольшая тучка, заморосили первые капли. И сразу людской поток расцвел раскрытыми зонтами. Как и в любом другом приморском городе, женщины, всегда в своих сумочках, носят сложенные зонты. Так же неожиданно дождь прекратился, и зонты заняли свои места до следующего дождя.

Рядом притормозило такси. Водитель сделал приглашающий жест. Сажусь. Объясняю, куда ехать. Нужно отметить, что водители в Китае – это особый народ. Как и в любой точке земного шара, многие из них не прочь поговорить. И если учесть, что китайские водители, кроме своего языка, а чаще вообще только языка на местном диалекте, никакого другого не знают, то беседу пассажира-иностранца и китайца стоит послушать. Не знаю, как с

другими иностранцами, но с русскими, которые, за редким исключением, не владеют китайским, это выглядит примерно так. Начинается «беседа» с обсуждения президента: фамилия президента и характерный жест большого пальца – «хорошо». В ответ получает тоже: «Китай - хорошо». Таким образом, обозначен статус-кво – вам и вашей стране выражена доброжелательность и ответный комплимент. Дальше, по всей видимости, идет повествование о том, где проезжаем: об этом можно догадаться по кивкам головы. Вот проезжаем мимо парка Труда, с огромным футбольным мячом, который виден даже из-за высоких деревьев – дань далянцам - любителям футбола. В городе базируется самая успешная футбольная команда. Она входит в пятнадцать команд китайской суперлиги. Стадион тоже впечатляет – на пятьдесят шесть тысяч мест, - мы как раз проезжаем мимо, и водитель, движением руки показывает его. Говорит не только водитель, но и пассажир отвечает на своем языке, что ему нравится город, нравится все, что он здесь увидел. Так каждый, говоря на своем языке, поддерживает беседу. Довольны оба. А если учесть, что во время беседы водитель смотрит на собеседника, по сторонам, но только не вперед, на дорогу, то удивительно, как без происшествий мы добираемся до места назначения. Справедливости ради, аварию на дорогах в Китае не часто можно увидеть.

А мы подъезжаем к площади Синхай – Морская Звезда, где меня ждут китайские друзья Вэй Цзинь и его жена Ки Ванг. Площадь поражает своими размерами. Это самая большая площадь в восточной части Азии. Здесь стремится побывать каждый гость города. Именно здесь на этой площади так много значимых для далянцев символов. Это и стела, поставленная в честь 100-летия города. А было это совсем недавно – всего-то в 1999 году. Так что город совсем молодой. Можно сказать юный. Это и памятник, выполненный в виде раскрытой книги. Символически считается, что в нее вписана история города с его прошлым и настоящим. Здесь же бронзовая дорожка с отпечатками следов, принадлежащих реальным людям. Начинается она со следов ветеранов труда – это прошлое Даляня, затем идут следы передовиков производства – это настоящее Даляня. А завершают дорожку маленькие детские следы – будущее Даляня. В конце дорожки – скульптура мальчика и девочки,

показывающие ручки на море - у подножья площади плещется Желтое море.

Ежегодно на площади проходят разные фестивали и праздники. Наверное, один из самых ярких – фестиваль Моды. Целый день идут здесь грандиозные представления, а потом начинается шествие всех участников от этой площади через весь город и заканчивается на Музыкальной площади.

Вот здесь мы и договорились о встрече. Накануне я приняла решение обязательно попрощаться с еще одним местом. Вэй Цзинь сразу же предложил сопровождать меня в этой поездке.

Дорога лежит вдоль моря. Зная, как для меня важна эта поездка, в машине тишина, что для Ки Ванг, нехарактерно. Смешливая, она обычно и минуту не может посидеть в молчании.

Мимо проносятся рыбацкие деревушки с одной стороны и «морские огороды» - с другой. В «огородах» выращивается все – от морской фауны до флоры. И кормятся с «огородов» и крестьяне и горожане.

Въезжаем в Люйшунькоу – отдаленный район Даляня. Дыхание перехватывает. У меня особое отношение к этому месту. В юности, совершенно случайно, прочитав книгу «Порт-Артур» Александра Николаевича Степанова, была потрясена. Уже в зрелые годы довелось увидеть этот район, где располагался исторический Порт-Артур. И не только увидеть, но и работать. Сегодня прощаюсь и с ним.

Мало что теперь напоминает о том, что не так давно это был легендарный Порт-Артур – военно-стратегическая база. Она принадлежала Российской империи, согласно заключенной в 1898 году русско-китайской конвенции. Это был русский оазис посреди чужой земли.

Едем медленно. Сейчас откроются постройки русского Порт-Артура. Постройки николаевской эпохи. Их очень мало сохранилось. Да и эти доживают уже последние месяцы.

Вот показалось приземистое здание из красного кирпича. Русская школа. Здесь петербургские девушки Шурочка и Женечка, невымышленные героини романа Степанова А.Н., учили русских ребятишек. Сюда прибегали чумазые китайские дети. Их не прогоняли. Они, робевшие по началу, осмелев, садились рядом и слушали учительниц. А потом выводили

каракули на листочках, которыми с ними делились их русские сверстники. Эти китайские дети, уцелевшие в то лихое время, сохранят память о русских. И это их рассказы будут передаваться из поколения в поколение.

А молодые учительницы еще не знают, что осталось совсем немного мирного времени. Скоро им придется надеть форму сестер милосердия. День и ночь придется ухаживать за ранеными сухопутными и морскими защитниками крепости, поток которых будет нескончаем. А потом одна из них погибнет. Другая встретит любовь всей своей жизни.

Сейчас я смотрю на город взглядом из прошлого. Проживаю прошлое.

Вот здание офицерского собрания. Тоже красной кладки. Из его окон, в день Святой Марии великосветские дамы и офицеры любовались фейерверком над морем. Командиры отпускали в усы слова, не принятые произносить при дамах, в адрес моряков, затеявших стрельбу. Эскадра блистала огнями многочисленных прожекторов. Над Золотой горой, отделяющей гавань от Желтого моря, взвивались ракеты и, разорвавшись вверху снопом ярких звездочек, опускались в воду.

Но это не было фейерверком. Началась война. 26 января 1904 года. Без объявления войны, японцы напали на российские корабли, стоящие на рейде в гавани. *О русско-японской войне незаслуженно мало говорят.*

Проезжаем железнодорожный вокзал. Его построили русские. Это последняя станция знаменитой КВЖД. Очень знакомая архитектура – сколько таких вокзалов разбросано по России. А этот стоит здесь. Длинный фасад с зеленой куполообразной крышей и обязательным завершением – башенкой со шпилем. И до сих пор служит. А совсем скоро у него появится помощник и соединит Люйшунь с Далянем – метро.

Сразу после вокзала открывается бухта. Кто едет по этой дороге впервые – для них открывается неожиданно. Но я ждала. Вот она – «Пасть тигра». Так называют бухту китайцы. Сейчас на рейде стоят военные корабли. Китайские. А я мысленно вижу русские. Именно отсюда, с прибывшего из Владивостока парохода Добровольного флота «Саратов» на берег сошли первые воинские части. Это были две сотни забайкальских казаков, дивизион полевой артиллерии и команда крепостной артиллерии.

Неподалеку видно длинное здание барачного типа – здесь находился склад патронов. А вот там чуть дальше мельком можно увидеть часть Электрического утеса. Там размещалась артиллерия. На одной из них служил отец писателя Степанова, автора «Порт-Артура».

Земля Порт-Артура жесткая, скалистая. Город плотно окружен высокими сопками и горным хребтом. Трудно представить, что в ту пору они были совершенно без растительности. Разве что кое-где пробивался невысокий кустарник да трава. Сейчас сопки густо заросли деревьями. Много черной сосны. Когда-то здесь проходили траншеи, линии обороны. Все скрыла поросль.

Дорога вьется серпантинном, и мы продвигаемся все выше и выше, удаляясь от моря. Есть заветное место, которое обязательно должен посетить русский, приезжающий в Порт-Артур. Это гора Вантай – «Орлиное гнездо». Здесь расположен музей русским защитникам крепости под открытым небом. Можно сказать, что это ворота крепости. Везде видны повреждения от японских снарядов.

Сохранилось офицерское общежитие. Внутрь, конечно, войти нельзя – это не безопасно, время и природные катаклизмы частично разрушили внутренние перекрытия. Но посмотреть с внешней стороны вполне доступно. Туристы, до этого весьма оживленные, здесь обычно примолкают. Думаю, мысленно они тоже в том времени. Вот неширокий коридор, а там дальше большая комната, освещенная узкими окнами. Сейчас она пустая. Но легко можно представить, как она была уставлена многоярусными кроватями.

Вызывает интерес сохранившиеся подземные каналы, лестничные колодцы, деревянный висячий мост, окоп, внешние траншеи... И все это в скалистой местности. Однажды я увидела, как девушка взяла горсть земли вперемешку с камнями и положила в пакет. Объяснение было неожиданным. Ее соседка, не имеющая возможности самой приехать в Порт-Артур, попросила привезти частичку земли. Оказывается, ее дед был инженером и строил здесь оборонительные сооружения крепости.

Дальше укрепленные подземные ходы, полуразрушенная телефонная комната, груда глыб от взорвавшегося снаряда. Последний командный пункт генерала Романа Исидоровича Кондратенко, начальника сухопутной обороны крепости. На этом месте генерал погиб. А с ним еще

несколько высокопоставленных офицеров. Ходят слухи, что это был не случайный снаряд, а результат предательства.

Романа Исидоровича Кондратенко называли «душой крепости». Вышел из бедной дворянской семьи, он был самым молодым генералом в Порт-Артуре. Приземистый, кривоногий, с некрасивым лицом, он раздражал вышестоящих офицеров. Да и побаивались они его за прямолинейность и настойчивость: если считал, что так должно быть – так и будет. Вызывала раздражение любовь и уважение простых солдат и офицеров к личности генерала. Человек сильной воли, большой личной храбрости, редкого благородства духа, был кумиром солдат.

С гибелью талантливого командира судьба крепости была решена. Долгой обороне Порт-Артурса содействовал, главным образом, талант Кондратенко. В свою очередь и грозное имя коменданта крепости Анатолия Михайловича Стесселя, которого в гарнизоне все боялись и уважали, в течение 11 месяцев – столько длилась оборона – носилось над Порт-Артуром.

По словам участника обороны штабс-капитана Голицинского обороняться после потери последнего оплота – Орлиного гнезда, - уже не было никакой возможности. Офицер заключал: «Стессель, беря весь позор сдачи на свою раненую голову (а он был незадолго до этого ранен в голову), не решился принести в жертву жалких останков гарнизона и восемнадцать тысяч больных и раненых, лежащих в госпиталях, так как продолжать оборону было не с кем и не с чем».

Стессель подписал капитуляцию. Со стороны японцев была подпись генерала Ноги.

Степанов А.Н. свой роман «Порт-Артур» заканчивает так: «На сигнальной мачте, возвышающейся на Золотой горе, опустился русский военный флаг и взвился японский.

Грохот салюта потряс воздух.

Артурская эпопея окончилась»

Надо отметить, что, хотя крепость Порт-Артур после жесточайшей осады и была сдана японцам, итоги этой битвы призваны позорными вовсе не для Российской империи, а для Японии. Ведь сотысячная армия, штурмовавшая крепость оказалась разбита. По численности это было в

четыре раза больше, чем российских солдат. Кроме того, весь вражеский флот был брошен на ее осаду. Это позволило русским войскам одержать победу на других фронтах.

Длительная и тяжелая борьба за Порт-Артур, огромные людские потери, понесенные обеими армиями, оставили глубокий след в душе не только русского народа, но и японского. Бывший командующий японской осадной армией генерал Ноги выразил в своей стихотворной поэме битву за крепость так:

«... Обломки и трупы покрывали склоны гор,
Взрывы снарядов изменяли их очертания,
Такой трагедии не было на земле...
С тех пор как появились боги». ...

А японская поэтесса Есана Кан в те дни написала: «Корабль-великан не вернулся домой. У Порт-Артура в пучине морской десять тысяч людей – игрушка прибоя».

В первые дни войны погиб практически весь российский флот, базирующийся в Порт-Артуре. Оказавшись запертыми в бухте, корабли были расстреляны. Сюда в залив вошел легендарный флагман «Петропавловск». И буквально на глазах у всего города над броненосцем взметнулся столб дыма и пламени. Наскочил на мину. И еще взрыв – детонировали снаряды и торпеды. Почти весь экипаж погиб. Среди них вице-адмирал Степан Осипович Макаров. Он был командующий Тихоокеанской эскадрой. Талантливый командир, человек величайшего мужества. Он пользовался уважением даже у врагов. Японский поэт, яростный противник войны, Исикава Такубоку на страницах японских газет так откликнулся на известие о гибели Макарова:

Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров.
Его я славлю в час вражды слепой

Сквозь грозный рев потоков и пожаров.

В морской пучине, там, где вал кипит,

Защитник Порт-Артура ныне спит. ...

Враг доблестный! Ты встретил свой конец,

Бесстрашно на мосту командном стоя.

Вместе с Макаровым погиб и русский живописец, художник-баталист и литератор Василий Васильевич Верещагин. Верещагин как-то воскликнул: «...Больше батальных картин писать не буду – баста! Я слишком близко к сердцу принимаю то, что пишу, выплакиваю горе каждого раненого и убитого». Не сдержал слово. Человек с обостренным чувством долга снова оказался на дорогах войны. Последней для него войны.

Делаем последнюю остановку. У ворот нас встречает мой давний друг и смотритель Мемориального кладбища русских и советских воинов Юньчжи.

Медленно идем по дорожкам. Здесь покоятся два поколения наших соотечественников, солдаты двух войн – корейской и русско-японской. Одни – наши современники, другие – уже легенда. Считается, что это самое большое русское воинское захоронение за рубежом. Для всех, кто приезжает в Далянь, посетить этот Мемориал, что посетить святое место.

Вот часовня с памятной надписью: «Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите крепости Порт-Артура».

Неподалеку от часовни читаю на обелиске фамилии пяти матросов с крейсера «Адмирал Корнилов». Иду по узким дорожкам скорби дальше. Останавливаюсь возле большого каменного креста. Последнее братское упокоение погибших с транспорта «Енисей». С трудом можно прочитать: «Мичман Хрущев, инженер-механик Яновский и 9 нижних чинов». Кто вы, нижние чины? Почему безымянные? Знают ли ваши потомки, где нашли последний приют ваши тела? Хранят ли память о вас в семейных историях?

Кресты...кресты...obeliski... Братские захоронения... Как же вас много здесь с именами и без – просто «похоронен священник», «полковник»... А вот за оградкой две могилы. На одной богатый памятник из черного гранита с надписью «Защитник Порт-Артура генерал-майор Борис Васильевич Васильев». Очень мало осталось сведений об этом человеке. Во время

русско-японской войны был ранен, избежал плена, выехал в Россию; но, в конце концов вернулся в Далянь, а затем в Порт-Артур, где стал попечителем русского кладбища. И сам был похоронен здесь в 1935 году. Богатый памятник был поставлен на средства Евгении Ильиничны Едреновой. Той самой Женечки, учительницы городской школы. В Порт-Артур она приехала в 1903 году, когда началась война, стала сестрой милосердия. На ее попечении было 12 палат. По воспоминаниям очевидцев, не зная отдыха, ухаживала за ранеными солдатами и офицерами. После окончания войны, сопроводив из Порт-Артура последних раненых, она сразу же вернулась в Дальний. Здесь после русско-японской войны обосновалось немало русских. Они образовали русскую общину. Женечка была одной из ее активисток.

Ее не стало в 1946 году. В короткой заметке того времени писали, что в последний путь проводили со всеми воинскими почестями как военную сестру милосердия. Гроб установили на артиллерийский лафет, который передвигался шестеркой лошадей через весь город. Процессию сопровождал воинский эскорт – два взвода солдат и матросов. На подушках несли ее боевые награды – медаль Красного креста, учрежденную в память о русско-японской войне 1904-1905 годов, медаль «За усердие» и бронзовый крест с надписью «Порт-Артур».

Евгению Ильиничну, похоронили рядом с ее боевым товарищем и другом генерал-майором Васильевым, как она того и хотела. Ее памятник очень скромный.

Позже две могилы обнесли одной оградой и стали называть, как это принято в Китае, «Могилей влюбленных».

Склоняю голову. У этой могилы прошу прощения у всех, кто здесь лежит. В чужой земле. Но когда они умирали, то умирали за свое отечество. За что прошу простить? За стыдливое умалчивание проигранной войны. Простите, что время стирает ваши образы.

В молчании покидаем Мемориал. Нас провожает за ворота Юньчи. Молча, пожимаем друг другу руки. Увидимся ли еще когда?

В последний раз бросаю взгляд на Порт-Артур, расстроившийся вглубь сопки, обойдя русское кладбище.

Дорога назад показалась короче. Въезжаем в Далянь поздним вечером. Позади долгий день. Но ты, мой любимый Дальний, не спишь и ночью. День и ночь трудятся краны портов этого приморского города. Их стрелки, отмеченные светящимися точками, прочерчивают вечернее небо. Без усталости краны разгружают и загружают малые и большие суда из 150 стран мира. И из моей страны тоже.

Снова иду по дорожке к гостинице. Машинально сворачиваю к беседке. Присаживаюсь. Устала. Смотрю на огни любимого города. Слезы грусти навернулись на глаза. Прощай, мой любимый город.

Рано утром такси увезло меня в аэропорт. Вхожу в зал. Иду к табло. И, о Боже, у табло, улыбаясь во все лицо, мои китайские друзья и коллеги. Мешая друг другу, мы обнимаемся, говорим какие-то слова. Каждый пытается вручить нехитрый подарок на память, оберег, что-то еще – да это и не важно. Мы обязательно увидимся, мой далекий китайский город с русской душой!